

Neuere Lyrik
Interkulturelle und interdisziplinäre Studien

**Имидж, диалог, эксперимент –
поля современной русской поэзии**

Хенрике Шталь / Марион Рутц (Ред.)

Herausgegeben von
Dmitrij Bak, Hermann Korte, Hiroko Masumoto, Stephanie Sandler
und Henrieke Stahl

—

Image, Dialog, Experiment –

Felder der russischen Gegenwartsdichtung

Herausgegeben von Henrieke Stahl und Marion Rutz

Band 1

Verlag Otto Sagner

Verlag Otto Sagner · München – Berlin – Washington/D.C.

München – Berlin – Washington/D.C.

2013

Bibliografische Information der Deutschen Bibliothek
Die Deutsche Bibliothek verzeichnet diese Publikation in der Deutschen Nationalbibliografie;
detaillierte bibliografische Informationen sind im Internet
über <http://dnb.ddb.de> abrufbar.

© 2013 bei Kubon & Sagner GmbH
Heßstraße 39/41 Friedrichstraße 200
80798 München 10117 Berlin

Telefon +49 (0)89 54 218-107
Telefax +49 (0)89 54 218-226
verlag@kubon-sagner.de
www.vos-digital.de

Anschrift der Herausgeber:

Prof. Dr. Henrieke Stahl
Universität Trier
Fachbereich II Slavistik
54286 Trier
stahl@uni-trier.de

«Verlag Otto Sagner» ist ein Imprint der Kubon & Sagner GmbH

Die Auslieferung für die USA übernimmt die Kubon & Sagner Inc., Washington, D.C.
www.kubon-sagner.com

Alle Rechte vorbehalten

Umschlaggestaltung: Christopher Triplett, Marburg
Druck und Bindung: Difo-Druck, Bamberg
Printed in Germany

ISSN 0170-1320
ISBN: 978-3-86688-371-0
ISBN (eBook): 978-3-86688-372-7

Содержание

Хенрике Шмаль, Марион Румц (Трич) Предисловие	1
Хенрике Шмаль, Марион Румц (Трич) Имидж, диалог, эксперимент – поля современной русской поэзии	3
ПОЛЯ	
Марион Румц (Трич) «Канонны» современной русской поэзии. Наблюдения и перспективы	37
Виллем Г. Вестстейн (Амстердам) «Бронзовый век» русской поэзии: кто войдет в канон?	59
Сергей Е. Вирюков (Галле-Виттенберг) Грани неовангарда: действующие лица, институции, группы, издания, презентации и т.д.	65
Валерий Гречко (Токио) Звук и значение в современной русской поэзии: сто лет после футуризма	77
Ольга И. Северская (Москва) Лингвистическая философия метареализма (поэзия и поэтическая метатеория)	91
Илья В. Кукулин (Москва) Двадцать лет пеня без аккомпанемента. Взлет и превращения женской инновативной поэзии в постсоветской России	119
Стефани Сандлер (Тарсвуд) Женская визуальная поэзия в России и за ее пределами	155

<i>Ренета В. Божанкова (София)</i>	
Русская поэзия в интернете – имена, формы, места пребывания.....	183
<i>Михаил П. Одесский (Москва)</i>	
Поэзия филолога: феномен Ирины Ковалевой.....	197
<i>Наталия М. Азарова (Москва)</i>	
Как современная поэзия осваивает традиционную и новую философскую лексику.....	209
<i>Валерий З. Демьянков (Москва)</i>	
<i>Прелесть и прелестный</i> в современной русской лирике: к вопросу о лингвистической эстетике.....	231
<i>Юрий Б. Орлицкий (Москва)</i>	
Теория стиха в манифестах и рефлексиях русских поэтов конца 20 – начала 21 столетия.....	243
ИМИДЖ	
<i>Владимир Г. Белорус (Санкт-Петербург)</i>	
От символизма к концептуализму и... далее (Поэтическое самовыражение как форма современного сознания).....	261
<i>Татьяна В. Алешка (Минск)</i>	
Самопрезентация поэта в современном литературном пространстве.....	273
<i>Ирина Градинари (Тур)</i>	
«Видеомы» Андрея Вознесенского. Об авторрефлексивном переосмыслении поэтом своего творчества.....	287
<i>Марк Н. Липовецкий (Боллдер)</i>	
«Есть смерть для меня...» Поэтика субъективности в поэзии Елены Фанайловой.....	309

<i>Раинер Грюбель (Ольденбург)</i>	
Поэтический дневник Дмитрия Пригова: самозащита от истории.....	323

ДИАЛОГ

<i>Моника Спивак (Москва)</i>	
«Грустный мистик»: о поэзии Сергея Тихомирова.....	349
<i>Эдит Клюс (Шарлотсвилл)</i>	
Пародия московского текста в цикле Дмитрия Пригова «Москва и москвичи».....	363
<i>Массимо Маурисио (Турин)</i>	
Маргинальная (суб)культура в творчестве А. Родионова.....	373
<i>Катриона Келли (Оксфорд)</i>	
«В подливке отражается салат»: обытовление локальной памяти в современной петербургской поэзии (1995-2010 гг.).....	383
<i>Генрих Куршбаум (Пассая – Вроцлав)</i>	
Эсхатологические ландшафты. Закат Петербурга в поэзии Марии Каменковой.....	399
<i>Марко Саббатини (Мечерата)</i>	
«Последний Кривулин». Поэтика семидесятника на грани постмодерна.....	421
<i>Хенрике Шталь (Тур)</i>	
«Поминальная свеча» Елены Шварц – поэтика транспендентирования.....	435
<i>Кетеван Мезрелишвили (Тейделберг)</i>	
Ольга Селакова: «Чувство насущной необходимости русского Целана». Перевод как опыт расширения сознания.....	451

<i>Ольга Табачникова (Бат)</i>	
Под сенью Бродского	
(О поэзии Татьяны Волыгской в контексте предшественников).....	463

ЭКСПЕРИМЕНТ

<i>Наталья А. Фатеева (Москва)</i>	
Коммуникативные стратегии	
современного стихотворного текста.....	483
<i>Эмилия Ткаченко (Тур)</i>	
Калейдоскоп в стихах. К поэтике пуанта в танкетке.....	499
<i>Владимир В. Феценко (Москва)</i>	
О современных «композиторах языка».	
«Тайная музыка слова» Елизаветы Мнацакановой.....	513
<i>Наталья А. Кузьмина (Омск)</i>	
Книга стихов как единица поэтического мышления	
(Вера Павлова).....	531
<i>Дарья А. Суховой (Санкт-Петербург)</i>	
Поэтика авгурской книги Генриха Сапгира	
«Терцихи Генриха Буфарева».....	551
<i>Людмила В. Зубова (Санкт-Петербург)</i>	
Экспериментальная грамматика:	
стихотворение Евгения Клюева «На языке Пираха».....	571
<i>Александр Г. Степанов (Тверь)</i>	
О поэтике стихотворения Инны Кабыш «Мигка-космонавт».....	583
<i>Виллем Г. Вестстейн (Амстердам)</i>	
Религиозный авангардизм Светланы Кековой.....	589
<i>Авторы</i>	597

Марко Саббатини (Мачерата)

«Последний Кривулин».
Поэтика семидесятника на грани постмодерна

*Фигура «Последнего поэта» стихом притягательна,
когда чувствуешь нервные прыжки спрессия:
пустота дышит в замедлок и нужно...*

В.К.

1. О понятии «последнего»

В судьбе каждого поэта наступает время для определения его поэтики, и это касается не только самого автора в свете его биографии, сколько постижения высшей сути его творчества. В случае Виктора Кривулина¹ понятие «последнего» не совпадает исключительно с хронологической эволюцией его произведений. Именно поэтому здесь является необходимым сравнительный анализ завершающего периода жизни автора и процесса формирования его поэтического мировоззрения в неофициальной культурной среде позднесоветского Ленинграда семидесятых годов.

Последнее десятилетие жизни поэта с 1991-го по 2001 год совпадает с постсоветской эпохой новой России, когда Ленинграду было возвращено его настоящее имя Санкт-Петербург, а деление литераторов на официальных и неофициальных внезапно ушло в прошлое вместе с идеологическим противостоением. По словам Александра Гениса «августовские события 91-го года, ставшие привычной точкой отсчета того нового времени, в котором живет постсоветское общество, связаны и с переворотом в русской литературе. Неудавшийся переворот стал удавшимся. После августа нельзя было ни писать, ни читать по-старому»². Десятилетие годы действительно стали для Кривулина эпохой перерождения в общественном плане, популярности в культурной среде и преобразования собственного творчества.

¹ Виктор Борисович Кривулин родился 9 июля 1944 года в семье офицера: на свет появился в полевом госпитале недалеко от Краснодона. С 1947-го года жил в Ленинграде. Умер в Санкт-Петербурге 17 марта 2001 года.

² Генис А. Иван Петрович умер. Пролог. // Генис А. Иван Петрович умер. Статьи и исследования. М.: НЛО, 1999. С.23-31. Звезд: с.23.

2. 90-е годы. «*Стихи после стихов*»

После выхода интереснейшего сборника стихов «Концерт по заявкам» (1993)³ стиль Кривулина начинает терять богатые метафоры и приобретает более четкую «формалистическую» ауру. Эта книга была написана между восьмидесятыми и девяностыми годами в московский период жизни поэта, во время распада Советской империи («И московский период закончится только любовью – / вопреки очевидному ходу – без горечи и катастрофы»⁴). Выход сборника совпадает с возвращением поэта в Санкт-Петербург и является водоразделом между основной частью творчества автора в неофициальной литературе и последним его поэтическим словом в «свободной» России постмодерна⁵.

Особенно важной для понимания завершающей этапы в творчестве Кривулина представляется последняя и значимая его книга под названием «Стихи после стихов»⁶, включающая подборку текстов с 1994 года по 2001 год. Этот сборник был составлен Кривулиным, когда автор уже знал свой диагноз; книга увидела свет только после смерти поэта в 2001-м году. Символичное название сборника «Стихи после стихов» звучит в какой-то степени как прощальное слово; «начиная с Перестройки Кривулин, явно понимая, что его поэтика сложилась в исторически иное время, несмотря на изменения, и порой достаточно радикальные, своей манерой, начинает подчеркивать именно это ее отклонение от "нормы"»⁷.

³ Кривулин В. Концерт по заявкам. Три книги стихов. Второе издание. СПб.: Изд-во Фонда русской поэзии, 2001 <Первое издание 1993 г.>. Это «книга-триптих», включающая три цикла стихов: «Концерт по заявкам», «Блудный сын», «У окна».

⁴ Кривулин В. «Перед обрывом». // Кривулин В. Концерт по заявкам. С.63.

⁵ СКОРОПАНОВА И. Между культурой и хаосом: постмодернистские стихи Виктора Кривулина. // СКОРОПАНОВА И. Русская постмодернистская литература. М.: Флинта-Науча. 2000. С.383-389. Злесь: с.388.

⁶ Кривулин В. Стихи после стихов. СПб.: Петербургский писатель / Русско-Балтийский центр "БЛИЦ", 2001. В том же 2001 году вышел сборник «Стихи юбилейного года» (М.: ОГИ); в девяностые годы после выхода сборника «Концерт по заявкам» (1991 г. и 1993 г. вт. изд.) вышел сборник «Преддраничье». Тексты 1994-94 гг. СПб.: Борей Арт, 1994 г.; в 1998 году был выпущен сборник «Купание в Иордании». СПб.: Пушкинский фонд, 1998, включивший в себя стихи 1995-98 гг. (книга в четырех частях: «Купание в Иордании», «Музыкальное приношение к отцеде комаровского кладбища», «Левяфанн плывет», «Ревюема»). Стихи «Ревюема» посвящены неожиданной и трагической смерти восемнадцатилетнего сына, Льва Кривулина, были также напечатаны отдельным изданием (М.: АРГО-РИСК, 1998 г.).

⁷ Завьялов С. Тишина и господство бессмертия. // НЛО. 2001. №52. С.249-252. Злесь: с.249.

Стихи после стихов и на стихи пожожи
и не пожожи на стихи
от них исходит запах третьей кожи
нагретого металла ну так что же
и вовсе не писать? Подожнешь от тоски!⁸

Парадоксальное начало одноименного стихотворения похоже на предствление авторского ухода из определенной исторической и литературной эпохи постмодернизма. С этой точки зрения книга сознательно составлялась Кривулиным «как итоговая <...> хотя ни в авторском предисловии, ни в самих стихах нет никаких "предсмертных" мотивов»⁹. Несмотря на гибель сына в 1998-м году и на свою тяжелую болезнь, Кривулин продолжал воспринимать поэзию в самом широком культурном контексте независимо от личной судьбы. Поэтому и в последнем его сборнике главным объектом поэзии являются культура и человек или, одним словом, «гуманизм»¹⁰.

Как мы уже имели возможность убедиться, в последних стихах Кривулина культурный слой тесно переплетается с приметами современности; в 70-х и 80-х годах довольно часто сочетались деконструкция советского мифа с интересом к трансцендентному¹¹. В первой половине 90-х годов происходит переориентация поэта на эстетику постмодернизма¹², которая осуществляется по принципу разрушения внутренней структуры синтаксиса и текста; показательными примерами этой стратегии являются структура-ры сонетов Кривулина, где отсутствуют регулярные рифмы, метрический размер и устойчивый семантический центр. В эти годы, подобно исчезновению советской границы и «отграничения» советской действительности, исчезают границы текста: по словам поэта «странно жить и писать стихи в стране без границ»¹³. В цикле стихов «Преддраничье» (1994) Кривулин стремился внести в поэзию живое дыхание неопределенности современной жизни. Он пишет будто бы на грани времени, на заре нового пространства, «стоя на пороге на краю земли»¹⁴. В этом положении проявляется и стрем-

⁸ См. стихотворение «Стихи после стихов» (1999). // Кривулин В. Стихи после стихов. С.47.

⁹ Шувянский В. Мир больше не будет большим <рецензия: Виктор Кривулин. Стихи после стихов. СПб.: Петербургский писатель / Русско-Балтийский центр "БЛИЦ", 2001>. // Знания. 2002. №1. <http://magazines.russ.ru/znamia/2002/1/shvb-rt.html> (июнь 2011 г.).

¹⁰ Там же: «Этот гуманизм был базисом, основой интеллигентского мироощущения, и с возражением интеллигенции он естественно воскрес как источник самоощущения и самоуважения, как опора в сопротивлении власти».

¹¹ Ср. Диповецкий М. Паралогия. Трансформации (пост)модернистского дискурса в культуре 1920–2000-х годов. М.: НЛО, 2008. С.288.

¹² СКОРОПАНОВА И. Между культурой и хаосом: постмодернистские стихи Виктора Кривулина. С.383.

¹³ Кривулин В. Преддраничье. СПб.: Борей-Арт, 1994. С.42.

¹⁴ Кривулин В. «На пороге». // Кривулин В. Преддраничье. С.5.

Ление поэта выйти из жестких рамок жанров и структур, чтобы сочинять стихотворения на их границах и «на границах различных областей человеческого знания вообще»¹⁵. Явное отражение подобного состояния присутствует и в языке: неопределенность и избыток представляются собой пугающие неизбежные обновления языка через его разрушение:

и стали русские слова
как тополя зимой
черней земли в отвалах рва
во рту у тьмы самой
меж ними слегка то гулать
их эбюко повторять
дорогой от метро домой
связь синтаксис хромой¹⁶

Нужно отметить, что процесс модернизации поэтического языка является характерным приемом в творчестве Кривулина: согласно словам Л. Зубовой, в стихах Кривулин «и лирик и публицист»¹⁷; поэт убежден в том, что языком формируется сознание нового русского человека, тем более что «язык нигде в цивилизованном мире не имеет такой магической власти над людьми, как до сих пор в России»¹⁸.

Человек и язык сливаются в художественном тексте Кривулина.¹⁹ Со- глашено высказыванию Владислава Кулакова, в последних стихах поэта сделан акцент на «культурное тело» человека, «замещающее "душевные" категории "сознания" и "личности" категориями культуры – "текстом", "письмом". Человек потому и человек, что существует культура, человек – это "текст", "письмо"²⁰.

Текст говоривший мне: умри!
Так тяжело теперь, так жалко умирает
А я живу еще. Я у него внутри
Живу и радуюсь пока редактор правит,
Заглядывая в словарь.

¹⁵ СКОРОПАНОВА И. Между культурой и хаосом: постмодернистские стихи Виктора Кривулина. С.386.

¹⁶ Кривулин В. «Слова слова» (1999). // Кривулин В. Стихи после стихов. С.82.

¹⁷ Зубова Л. Виктор Кривулин: свобода в тесноте стихового ряда. // Зубова Л. Языки современной поэзии. М.: НЛО, 2010. С.129-163. Здесь: с.130.

¹⁸ Кривулин В. Охота на Мамонта. СПб.: Бипл, 1998. С.244.

¹⁹ ШЕЙНКЕР М. ...Грибастая кривая... Виктора Кривулина. // НЛО. 2001. №52. С.230-235. Здесь: с.231. Ср. Бобшилев Д. Слово о Кривулине. // Русская мысль (Paris). 24.05.2001. <http://www.russmyst.pl/2001III/4366/436620-Мав24.html> (июнь 2011 г.).

²⁰ Кулаков В. Стихи после стихов. // Кулаков В. Постфактум. Книга о стихах. М.: НЛО, 2007. С.124-134. Здесь: с.133-134.

Нас не уравненных со Словом
Ни в пораженных ни в правах²¹

Полисемантический «собачий язык»²² неканонической кривулинской поэзии конца 90-х годов, окончательно принимаая приемы фрагментации, ин- тертекстуальности и смещения стилей, подчеркивает всю семантическую изменчивость, плюрализм лексикки, отказ постмодернистского письма от строгих орфографических правил и от нормативных синтаксических структур.

на своем на языке собачьем
то ли радуемся то ли плачем
кто нас, голерантных, разберет
разнесет по датам, по задачам
и по майлу пустит, прикрывая аттачем,
во всемирный оборот²³

Обратившись к постмодернизму, не исключено, что Кривулин мог дей- ствительно сомневаться в пользе поэта в постсоветском пространстве: «поэт не трамвай, / поэт не нужен / речь поэта избыточна»²⁴. Он ставил ключевой вопрос современной культуры о неизбежной маргинальности автора.²⁵ Поэт снова стремился нырнуть в языковую анонимность начала семидеся- тых годов:

В 70-м году. Это было связано, скажем, с чтением Боратынского. Чужие сти- хи для меня часто становились творческим импульсом, хотя я никогда не за- нимался подражанием, стилизацией, всякими пенционными играми. Но я от- талкивался от чужих текстов, ощущая поэзию действительно как бесконеч- ный разговор, диалог, хор, соборное звучание. И вот я ощутил свою аноним- ность в этом хоре, участвуя анонимно.²⁶

Эта концепция «анонимности» возникает у Кривулина с самого начала его творчества независимо от постмодернистского понятия Ролана Барта о «смерти автора», согласно которому «письмо» – это неопределенная,

²¹ Кривулин В. «Текст» (1999). // Кривулин В. Стихи после стихов. С.51.

²² Зубова Л. Виктор Кривулин: свобода в тесноте стихового ряда. С.146. Согласно сло- вам Зубовой, в стихотворении «Прометей раскованный», «слова на своем на языке со- бачьем <...> вызывали в память анекдот со словами украинца на *вашей собачьей мове*, и подразумевают компьютерный символ электронной почты, называемый по-русски словом *собака*» (там же. С.147).

²³ Кривулин В. «Прометей раскованный» (2000). // Кривулин В. Стихи после стихов. С.12.

²⁴ Кривулин В. «Поэт не трамвай». // Кривулин В. Кулание в Иордании. СПб.: Пушкин- ский фонд, 1998. С.48.

²⁵ Зубова Л. Современная русская поэзия в контексте истории русского языка. М.: НЛО, 2000. С.10.

²⁶ Кулаков В. «Поэзия – это разговор самого языка» <Беседа с В. Кривулиным>. // НЛО. 1995. №14. С.223-233. Здесь: с.226. См. также: Поэзия – это разговор самого язы- ка. // Кулаков В. Поэзия как факт. М. НЛО, 1999. С.360-377. Здесь: с.366.

уклончивая и неолнородная сущность, где исчезает всякая тождественность пишущего»²⁷.

боюсь я: барг и деррида
не понаделали б вреда
они совсем не в то ипранот
что мне диктует мой background²⁸

Показывая условность человека и устранение литературного героя в контексте современной действительности, поэт осуществляет предельное воплощение автора-текста по принципу коллажа. Нужно отметить, что уже в кривулинских стихах восьмидесятых годов присутствовали и практика коллажа²⁹, и цитаты, и крылатые выражения, и прием деконструкции, и монтаж, и соединения разнородных текстов в духе соц-арта и московского концептуализма.³⁰ Влияние московского концептуализма по словам самого Кривулина было прежде всего на человеческом уровне, но нужно вспомнить, что в начале восьмидесятых годов в Ленинграде и Москве завидно о себе новое поколение художников, интеллектуалов и литераторов:

Они воспринимали культуру не как храм, а скорее как гигантскую величественную свалку. Кривулин, всегда ошущавший себя частью литературного процесса, стал говорить о волне «неоиндивидуализма» <...>³¹

Он стал экспериментировать прозаизмами, верлибрами и, возвращаясь к принципам конкретизма, шел в направлении минимализма. Это была уже эпоха, когда внутреннее опыты поэта описывались «предложениями, между которыми прежние сложные, виртуозно выстроенные синтаксические связи оборваны»³². Девиантные голды представляют собой конечную ступень этой эволюции.

²⁷ Ср. Курцын В. Русский литературный постмодернизм. М.: ОГИ, 2001. С.19-20.

²⁸ Кривулин В. «Столичный диккурс». // Кривулин В. Стихи после стихов. С.63.

²⁹ Берг М. Литературоक्रатия. Проблема присвоения и и перераспределения власти в литературе. М.: НЛО, 2000. С.170.

³⁰ Скоропанова И. Между культурой и хаосом: постмодернистские стихи Виктора Кривулина. С.384. «В 80-е гг. поэт все чаще прибегает к деконструируемым типичным как следствие культурфилософской характеристикой своей эпохи, в некоторых случаях использует и элементы поэтики соц-арта. Основные источники цитации – Библия, художественная литература, живопись». Ср. Липовецкий М. Паралогии. С.45-46.

³¹ Иванов Б. Виктор Кривулин – поэт российского Ренессанса (1944–2001). // НЛО. 2004. №68. С.270-285. Звезд: с.277. (= <http://magazines.russ.ru/nlo/2004/68/i/23.html>; июнь 2011 г.). См. также: Виктор Кривулин – поэт российского Ренессанса (1944–2001). // Петербургская поэзия в лицах. Очерки. Сост. Б. Иванов. М.: НЛО, 2011. С.293-368. Звезд: с.343.

³² Там же. Ср. Иванов Б. Виктор Кривулин – поэт российского Ренессанса (1944–2001). С.347 и 366.

3. Поэт и Мамонт. Семидесятник на изломе времени

В последнем периоде творчества поэта, кроме эстетики постмодернистского текста, обновляются мотивы этической ориентации русского человека, появляются отсылки на события криминальной и военной России и на политический хаос во время «Великой Распродажи»³³ страны. Кривулин находит знаки этой новой эпохи в личной повседневной жизни, от новых примет перестройки до наступления третьего тысячелетия, Россия внезапного либерализма и чеченских войн «видится поэту жалкой, нищей, безвольной»³⁴. Он отображает новое выражение, запечатленное на лицах бывших советских людей, поэтизирует руины их совести после «великой Охоты на Мамонта»³⁵.

Выволили на площадь мамонта в космах и колтунах
с непропорционально маленькими глазами
где стоял запойный космологический страх
Палки легли камнями... что они сделали с нами!³⁶

«Охота на Мамонта» – это отражение отношения Кривулина к советской эпохе, это охота на время, о чем он написал в предисловии к одноименному сборнику статей 1998-го года:

<...> это прежде всего охота <...> на время, совсем недавнее время, которое
возвышается за нашими спинами, как некая несмысленная, живая гора. Го-
ра мяса, крови и шерсти. Оно кончилось, но оно дышит в затылок: время,
когда русская поэзия была хлебом и камнем, огнем и газетой, и писать стихи
значило не просто рисковать здоровьем, но умереть <...>³⁷

Истинная поэзия становится для Кривулина представлением о самых разнообразных явлениях исторической действительности: идея высокой культуры, социальность, диспут о судьбе русского народа в истории являются тематическими особенностями всех произведений автора и возвращаются в последний период его творчества как попытка ответить на все ранее поставленные вопросы:

Я начал писать стихи, потому что не было в руках иного оружия, а чувствовать
себя слишком маленьким и незащищенным в час великой Охоты на
Мамонта – значило обречь свою жизнь на растоптание. Стихи позволяли за-

³³ Кривулин В. «Столбняк в пустыне». // Кривулин В. Концерт по заявкам. С.57.

³⁴ Иванов Б. Виктор Кривулин – поэт российского Ренессанса (1944–2001). С.354.

³⁵ Кривулин В. Охота на мамонта. Или нищета Петербурга на фоне ленинградского нищества. // Кривулин В. Концерт по заявкам. С.98–109. Звезд: с.99. «В начале была Картина. Она до сих пор стоит перед глазами, когда я закрываю их: иллюстрация из школьного учебника. Первобытное племя крохотных людей угрожающе окружило живую, косматую огромную гору. Охота на мамонта. Я чувствовал себя частью этой орды, вооруженной палками, каменными топорами и чем-то еще <...>».

³⁶ Кривулин В. «Охота на мамонта» (1992). // Кривулин В. Концерт по заявкам. С.11.

³⁷ Кривулин В. Охота на мамонта. СПб.: Блпн 1998. С.6.

быть о страхе несомасштабной сватки, да и о том, что мир вокруг меня беден, убог и уродлив, хотя в ныне минулы мне, напротив, кажется, будто потребность писать стихи (картины, музыку) рождалась из ощущения, что мир вокруг недоступно и непривычно прекрасен.³⁸

В поэзии Кривулина присутствует тяготение к прекрасному, постоянный диалог с Богом, искусством, философией и классической литературой: «классика приобретает у него роль сакрального текста, дарящего радость приобщения к высшей, гармонической, реальности»³⁹. Особенно показателна, например, в этом плане интертекстуальная ссылка на внутренний сверхтекст творчества Кривулина в диалоге с Тютчевым.

Кривулин называет себя «семидесятником» и подчеркивает смысл этого определения в рамках своей писательской биографии:

Условно говоря, я «семидесятник», хотя бы потому, что на моем внутреннем календаре отмечена ярко-красным одна дата – 5 часов утра 24 июля 1970 года. Нет, в ту ночь я не писал стихов. Я читал Баратынского и думался до того, что перестал слышать, где его голос, а где мой. Я потерял свой голос и ощутил невероятную свободу, причем вовсе не трагическую, вымученную свободу эжистенциалистов, а легкую, воздушную свободу, словно спала какая-то тяжесть с души. Другое не стало времени. Умерло время, в котором я, казалось, был обречен жить до смерти, утешаясь стонческой истинной, что «времени не выбирают, в них живут и умирают».⁴⁰

В ноябре того же 1970-го года, почти сразу после смерти Леонида Аронзона, одного из главных представителей неофициальной культуры шестидесятых годов, Кривулин пишет известное и символичное стихотворение «Вопрос к Тютчеву», где ставит ряд вопросов о смысле советского времени:

Я Тютчева спрощу: в какое море гонит
Обломки льда советский календарь,
И если время – Божья тварь,
То почему слезы хрустальной не проронит?⁴¹

Как подчеркнута выше в стихах «Охота на мамонта», вопрос о времени и о смысле советского опыта является центральным мотивом уже с начального

³⁸ Кривулин В. Охота на мамонта. Или нищета Петербурга на фоне ленинградского нищества // Кривулин В. Концерт по заявкам. С. 99–100.

³⁹ СКОРОПАНОВА И. Между культурой и хаосом: постмодернистские стихи Виктора Кривулина. С. 387.

⁴⁰ Кривулин В. Охота на мамонта. С. 7. Ср. Кулаков В. «Поэзия – это разговор самого языка» <Беседа с В. Кривулиным>. С. 226. См. Кушнер А. «Времена не выбирают, в них живут и умирают» (1978). // Кушнер А. Канва. Л.: Советский Писатель, 1981. // <http://www.liteta.ru/stixy/autports/kushner/all.html#utemena-ne-ubyirayut> (июнь 2011 г.).

⁴¹ Кривулин В. «Вопрос к Тютчеву». // Кривулин В. Стихи, в 2-х томах. Т. 1. Ленинград-Париж: Беседа, 1988. С. 23.

периода творчества Кривулина, с того 1970-го года, в котором особую роль сыграли уход из жизни Леонида Аронзона.⁴²

Связано это было еще со смертью, смертью человека, которого я терпеть не мог, с которым мы все время ругались, со смертью Лени Аронзона. Я вдруг физически ощутил, что все люди, которые умерли, на самом деле присутствуют среди нас. Они присутствуют через язык, через слово, и это совершенно другой мир абсолютно свободный, вне пространства и времени, и в то же время абсолютно реальный. Есть язык со своими ресурсами, и он всех нас связывает и все организует.⁴³

Именно после «Вопроса к Тютчеву» Кривулин решил отказаться от всего ранее написанного в течение шестидесятых годов⁴⁴, чтобы создать новую поэтику и начать «культурный проект», концептуальный неполудензурному литературному поколению семидесятников.⁴⁵

В семидесятые годы началась новая эра для Кривулина и для всей неофициальной России, где независимая культура была шире официальной, советской, и по количеству авторов, и по эстетическим принципам. Виктор Кривулин стал ведущим представителем этой неофициальной «второй культуры Ленинграда, вместе с Татьяной Горичевой он организовал литературно-философские семинары и издавал самиздатский журнал «37» (1976–1981), а с Сергеем Дедюлиным редактировал поэтический самиздатский журнал «Северная почта» (1979–1981)⁴⁶. В 1978 году Кривулин был первым поэтом, ставшим лауреатом неофициальной литературной премии

⁴² Леонид Львович Аронзон родился в Ленинграде 24 марта 1939 года и погиб от несчастного ранения в торах под Ташкентом, около Газалкента, 13 октября 1970 года. Официальная причина смерти – самоубийство. Ср.: хроника жизни и творчества Леонида Аронзона. Сост. Илья Кукуй. // Wiener Slawistischer Almanach. 2008. №62. С. 18–20. Здесь: с. 18.

⁴³ Кулаков В. «Поэзия – это разговор самого языка» <Беседа с В. Кривулиным>. С. 226. См. также Кулаков В. Поэзия – это разговор самого языка. С. 366.

⁴⁴ Шубинский В. Мир больше не будет большим: «Виктор Кривулин не любил, когда его называли "последним семидесятником" <...>».

⁴⁵ Иванов В. Виктор Кривулин – поэт российский. Ренессанс (1944–2001). С. 274. «У «Вопроса к Тютчеву» – две авторских датировки. В новых публикациях стихи помещены 24 июля 1970 года. В сборнике «Стихотворения», составленном автором и опубликованном в качестве литературного приложения к самиздатскому журналу «Часы» в 1979 году, под «Вопросом Тютчеву» указан в качестве даты ноябрь <1970 г.>, вскоре после гибели Аронзона. Полагаю, что верная дата – именно ноябрь. Почему это важно знать? Мне кажется, в стихах запечатлелись отголоски поминок по Аронзону, реакция на его смерть.»

⁴⁶ См. Дедюлин С. К истории создания «Северной почты». О Викторе Кривулине. Интервью Марко Саббатини. // Библиограф. 2004. №19. Париж: Изд-во «Русский Институт в Париже». С. 1–18. Здесь: с. 10.

имени «Андрея Белого»⁴⁷. «Игровое Богоискательство», «анонимность», «антиутопическое сознание», «духонность», «апокалипсис»⁴⁸, интерес к прошлому представляли собой основные ветви его поэтической эстетики в контексте семидесятых годов. Кроме стихов он писал также художественную прозу, литературную критику, эссе. Его творчество сыграло исключительную роль в обоготворении поэтической речи, послужив развитию независимого индивидуального сознания и самоопределения неофициальной культуры Ленинграда.⁴⁹

4. *Кривулинские «штотги»: ответ Тютчеву (или Арнонзону).*

Необходимость проследить становление поэтики Кривулина с начала семидесятых годов ставит вопрос о сравнении его с поколением шестидесятников, к которому, в частности, принадлежали Александр Кушнер и Виктор Соенора, Иосиф Бродский («ахматовские сироты») и Леонид Арнонзон.⁵⁰ По словам самого Кривулина: «пожалуй, наиболее радикальной альтернативой "ахматовским сиротам" был Леонид Арнонзон. Его считали бесспорно гениальным, его ненавидели, перед ним преклонялись»⁵¹; но именно смерть Арнонзона и будущий успех Бродского в эмиграции в начале семидесятых годов представляли собой два полуса уходящей этики и надежды будущему поколению писателей-шестидесятников⁵². По словам Кривулина «бесславие Арнонзона – не что иное как тень всемирной славы последнего русского нобелевского лауреата»⁵³. Здесь речь не идет о сопер-

⁴⁷ <Редакция журнала «Часы»> Присуждение премии Андрея Белого. // Часы. 1978. №15. С.248-252. Здесь: с.248 <самыздат>. См. ОСТАННИ Б. «Быть вместо иметь...». // Toronto Slavic Quarterly. 2002. №2. <http://www.toronto.ca/iscsq/02/ostanin2.shtml> (июнь 2011 г.). Берг М. Премия как феномен. Вторая попытка. // НЛО. 1998. №31. С.293-299.

⁴⁸ Ср. Кривулин В. Петербургская спиритуальная лирика вчера и сегодня. // Истории Ленинградской неподцензурной литературы: 1950-е – 1980-е годы. Сост.: Б.И. Иванов/В.А. Роинский. СПб.: Девн, 2000. С.99-115. Здесь: с.103.

⁴⁹ Ср. Иванов В. Литературные поколения в ленинградской неофициальной литературе: 1950-е – 1980-е годы. // САМИЗДАТ ЛЕНИНГРАДА. Литературная энциклопедия. Под общ. ред. Д.А. Серверюхиной. М.: НЛО, 2003. С.535-584. Здесь: с.571.

⁵⁰ Завьялов С. Тишина и господство бессмертия. С.250-251.

⁵¹ Кривулин В. Леонид Арнонзон – соперник Иосифа Бродского. // Кривулин В. Охота на Маюонта. С.152-158. Здесь: с.153.

⁵² Ср. Иванов В. Виктор Кривулин – поэт российский Ренессанса (1944-2001). С.279. «Шестидесятники жили иллюзорными надеждами на "социализм с человеческим лицом". Чем радикальнее был разрыв с этими надеждами, тем чернее становился окружающий мир, тем более удручающей выглядела перспектива шестидесятничества как литературно-эстетического явления. Попытки найти гармонию в асоциальности, в тесной и частной жизни завершились скудной идеологией "кайфа" и имморализизма».

⁵³ Кривулин В. Леонид Арнонзон – соперник Иосифа Бродского. С.156.

ничество Арнонзона с Бродским или с Кривулиным: символическое «крепление» Кривулина в поиске нового творческого вдохновения не случайно совпало с гибелью Арнонзона, событием, которое потрясло всю независимую культуру Ленинграда. «Концепт» и «начало», сознание «физической смерти» и «метафизического рождения» тесно связаны благодаря поэтическому обращению к Тютчеву стихотворения «Последнего катаклизма»⁵⁴.

Я помню один разговор с Леной, который для меня самого открыл какую-то сторону поэзии <...> Арнонзон говорил о том, что есть два подхода: подход мастеровский, мастеровитый, когда мы описываем – и подход совершенно иной, когда мы отвлекаемся, отрываемся от того, что мы описываем, забываем об этом, и в этом мы как бы находим нечто большее. Речь шла о стихотворении Тютчева «Последний катаклизм», которое как раз вот таким образом трактовал Лея. И он сравнивал как раз метод Заболоцкого и почему-то – Тютчев как противоположность. Вот эти два полуса, они существуют все время в поэзии. То есть то начало, которое шло от Заболоцкого, – «распредмечивание» мира через большую осязаемость всего, что перед нами есть – через вот эти кальсоны... т.е. практически человек, вещь утрачивает свою вещественность в такого рода стихах за счет ее максимального усиления. <...> А второй путь – это путь редукции, путь усечения, путь отсечения от мира всего мира <...>⁵⁵.

Этими словами, произнесенными на вечере памяти Леонида Арнонзона 18 октября 1975 года в Политехническом институте Ленинграда, Кривулин объяснил поэтическую суть двойного диалога с Тютчевым и Арнонзоном на фоне «Последнего катаклизма». Глубокий смысл слов Арнонзона о его любимом поэте Тютчеве произвел на Кривулина «огромное впечатление», как какой-то переход от эстетического созерцания мира к религиозному восприятию всего, что нам дает мир.⁵⁶

⁵⁴ Тютчев Ф. «Последний катаклизм» (1829). // Тютчев Ф.И. Полное собрание стихотворений. Вступ. ст. Н.Я. Берковского. Сост., подгот. текста и примеч. А.А. Николаева (Б-ка поэта. Большая серия). Л.: Советский писатель, 1987. С.85.

⁵⁵ Кривулин В. «Этот поэт непременно войдет в историю...». Виктор Кривулин об Арнонзоне. Публикация Ильи Кукуя. // Критическая масса. 2006. №4. // <http://magazines.russ.ru/km/2006/4/kr10-br.html> (июнь 2011 г.). «Вот несларом очень часто в его стихах звучат слова "вокруг меня": "Вокруг меня сидела лева...", "Вокруг лежачая природа..." и т.д. – то есть ощущение себя растворившимся центром. И в этом, по-моему, еще и религиозный смысл поэзии Арнонзона, о котором мы совершенно молчим, как бы прокатываемся мимо него.»

⁵⁶ Вечер памяти Леонида Арнонзона. К пятилетию со дня смерти. 18 октября 1975 года. Под ред. Р. Пуршинской и Вл. Эрля. // Памяти Леонида Арнонзона: 1939–1970–1985. Сост. А. Степанов и Вл. Эрль. Л.: Приложение к журналу «Часы» Октябрь 1985 <самиздат>. С.223-239. Здесь: с.229. В авторизованной Кривулиным версии текст был перепечатан в 1985 году в литературном приложении к самиздатскому журналу «Часы», посвященному «Памяти Леонида Арнонзона». Отрывок существенно отличается от лучшего выступленного версии: «Арнонзон говорил о том, что есть два подхода: подход мастеровский, мастеровитый, когда мы более или менее совершенно и красиво опи-

Тютчев был любимым поэтом Аронзон, в мировой поэзии он видел для себя единственный образец – тютчевское «Когда пробьет последний час природы, / Разрушится состав частей земных: / Все зримое опять покроют воды, / И Божий лик изобразится в них». Внутреннее знание о собственном раннем уходе позволяло ему говорить о смерти как о любви и о любви как о смерти.⁵⁷

Как у Аронзон, тютчевский «Когда пробьет последний час природы» живет своей жизнью и в сознании «последнего» Кривулина,⁵⁸ где представляет собой особый интерес цитата из «Последнего катаклизма» в стихотворении начала 1990-х годов «Что рифмовалось»⁵⁹:

Под рифму ставили: душа, духовный, Боже –
и вроде бы сходило с рук
пятно чернильное, обмылки мертвой кожи
но клеяка, как расплющенный паук
нырнула в раковину, по эмали
разбрызгав лапки... Приходил ответ
из толстого журнала, что не ждали
такого уровня – да к сожаленью, нет
ни места ни цензурного согласия
и ставили под рифму, под Господь,
для связанности и разнообразья
частицу уступительную «хоть»
предполагавшую любые обороты
с оттенком жалости сукровицы трызны –
в надежде что когда Последний Час Природы
пробьет – не всякие часы
покажут полночь или полдень

Это стихотворение, с одной стороны, является рефлексией реальных особенностей ленинградского неподцензурной литературы семидесятых и восьмидесятых годов, «с другой – подхватывает давний философский спор, начавшийся в творчестве Кривулина, по-видимому, со стихотворения

Всем нечто, как это делает, например, Пушкин в "На холмах Грузии...": " – и подход совершенно иной: когда мы схватываем всё... весь мир сразу, забывая в этот миг и о литературе, и о себе, и о мире. Таков, говорил Лена, "Последний катаклизм" Тютчева. И тут же добавил: лучше я буду писать совершенные, мастерские стихи, для "Последнего катаклизма": ни у кого из нас сил не хватит". Ср.: «Этот поэт непременно войдет в историю...».

⁵⁷ Кривулин В. Леонид Аронзон – соперник Иосифа Бродского. С.156-157.

⁵⁸ Вечер Памяти Леониды Аронзон. К пятилетию со дня смерти. 18 октября 1975 года. С.229: «Сейчас, перечитывая Лёнины стихи, я с удивлением вижу, как постепенно всё отчетливее обнаруживается в них "тютчевское" начало».

⁵⁹ Кривулин В. «Что рифмовалось». // Кривулин В. Концерт по заявкам. С.65. Курсив Кривулина (душа, духовный, Боже –).

"Вопрос к Тютчеву"⁶⁰. В стихотворении «Что рифмовалось» дан ответ Тютчеву и Аронзону – и это соответствует тому ощущению «анонимного хора» в духе постмодерна, согласно которому «поэзия на самом деле – это разговор самого языка...»⁶¹. Здесь преображение «Последнего катаклизма» доказывает, что независимо от литературных признаний, активного участия в создании новой культуры и политики⁶², Кривулин в начале девяностых годов был верным своему внутреннему кредо существования поэта в жизни Страшного суда, в надежде, что «не всякие часы / покажут полночь или полдень»⁶³.

В конце десятилетия косвенное эхо тютчевского начала «Последнего катаклизма» возвращается в постмодернистский текст Кривулина «Последнее затмение» (1999).

Белая на балконе кошка
завыла совсем как собака
на луну заслонившую солнце
на затмившую солнце луну
последнее в нашем тысячелетии
затмение
пасмурный Полдень⁶⁴

Здесь ассоциативная метафизичность явления солнечного затмения указывает на приближение нулевого времени («пасмурный Полдень»), рокового часа природы. Кривулин проживает свое итоговое время «с чувством надвигающегося Последнего Катаклизма, ощущая абсурд человеческого существования как высшую форму Божественной красоты, перед которой меркнут любые нравственные или социальные установления»⁶⁵.

Кому итоги а кому и так
непроходимый страшный суд

⁶⁰ Саббатини М. Стихотворение Виктора Кривулина «Что рифмовалось» (1990) – Рефлексия кризиса неформальной культуры. // НЛО. 2007. №83. С.710-717. Здесь: с.711.

⁶¹ Там же. С.717. См. также: Кулаков В. «Поэзия – это разговор самого языка» <Беседа с В. Кривулиным>. С.233.

⁶² По предложению Галины Старовойтовой Кривулин был выдвинут кандидатом в Занодательное собрание Санкт-Петербурга. Кандидатской визиткой Кривулина была открытка с его портретом, выполненным Валерием Мишиным в 1967-м году, а на обратной стороне открытки были напечатаны стихи «Вопрос к Тютчеву».

⁶³ Саббатини М. Стихотворение Виктора Кривулина «Что рифмовалось» (1990). С.716.
⁶⁴ Кривулин В. «Последнее затмение». // Кривулин В. Стихи после стихов. С.86. Ср. Лотман Ю. Поэтический мир Тютчева. // Лотман Ю. О поэтах и поэзии. СПб.: Издательство СПб., 1996. С.563-594. Здесь: с.590-591: «Особенно <...> существенными для Тютчева оказываются на часовом циферблате критические часы перелома – полдень и полночь. В этот момент время как бы останавливается и человек вырывается из субъективности своего времени в безвременность Природы».

⁶⁵ Кривулин В. Леонид Аронзон – соперник Иосифа Бродского. С.157. Ср. Вечер Памяти Леониды Аронзон. К пятилетию со дня смерти. 18 октября 1975 года. С.229.

как бы не выключен выдал
хотя экран разбит
динамик вырван с мясом вон
но свет и звук живут
а лента шестит
для зрителя иных времен
или иных планов⁶⁶

Семантические разрывы и алогичность этих стихов Кривулина показывают попытку поэта уловить сущность современного языка.⁶⁷ Здесь понятие «Последнего Кривулина» снова совпадает с постмодернистской деконструкцией главного мотива «Последнего катаклизма». В этом отношении поэтесса Кривулина становится посредником между культурными мифами высокой поэзии и новой эстетикой «исчезновения критериев»,⁶⁸ с этой точки зрения его поэтика является и традиционной, и новой.

⁶⁶ Кривулин В. «Итоги». // Кривулин В. Стихи юбилейного года. М.: Отт, 2001. С.10.

⁶⁷ Иванов В. Виктор Кривулин – поэт российского Ренессанса (1944–2001). С.365. «Я вынужден ориентироваться на новый язык, потому что стихи, которые я пишу сейчас, связаны с размером экрана – с этим заданным параметром я работаю. Мне все труднее работать с этими параметрами, у меня нет сил <...>»

⁶⁸ Там же. С.366.

⁶⁹ Зубова Л. Виктор Кривулин: свобода в тесноте стихового ряда. С.130.

Хенрике Штагль (Трир)

«Поминальная свеча» Елены Шварц – поэтика трансцендентирования¹

Памяти Герхарда Биркфельднера

ПОМИНАЛЬНАЯ СВЕЧА

Я так люблю огонь,
Что я его целую,
Тянусь к нему рукой
И мою в нем лицо,
Раз духи нежные
Живут в нем, как в бутоне,
И тонких сил
Вокруг него колыно.
Ведь это дом их,
Скорлупа, отрада,
А все другое
Слишком грубо им.

Я челку подожгла,
Ресницы опалила,
Мне показалось – ты
Трепещешь там в огне.
Ты хочешь, может быть,
Шагнуть словоц мне светом,
Трепещет огонек,
Но только тьма во мне.

1998²

¹ Немецкая версия данной статьи будет опубликована в сборнике, посвященном памяти немецкого слависта-филолога и моего учителя в славистской методистике Герхарда Биркфельднера. Этот сборник выйдет под редакцией Бернхарда Симанчика (Мюнхен). – За критическое прочтение статьи благодарю моих коллег Валерия Демьянкова и Михайла Одесского и своих соотрудников Катину Бахарову и Марион Рутт.

² Шварц Е. Сочинения в четырех томах. СПб.: Пушкинский фонд. Т.1 (2002). С.354. Английские переводы этого стихотворения Стефани Сандлер и Саши Дагдейя рассматриваются в работе: ЗОТЕНА А.В. Художественный мир Елены Шварц в интерпретации англоязычных переводчиков. // Известия Самарского научного центра Российской Академии Наук. 2001. Том 13. №1-2. С.155-158. (=http://elbrgat.ru/compnts.asp?issueld=940674; 23.06.2012). См. переводы: SANDLER St. (transl.) Elena Shvarts. Memorial Candlc.

Демьянков, Валерий З. (Москва): д. фил. н., проф.; заместитель директора Института языкознания РАН, зав. кафедрой западноевропейских языков факультета славянской и западноевропейской филологии МПГУ. Основные научные интересы: теория языка, метаязык современной лингвистики, лексикография, синтаксис, семантика, кон-трастная грамматика, язык современной литературы.

Зубова, Людмила В. (Санкт-Петербург): д. фил. н., проф. кафедры русского языка СПбГУ. Основные научные интересы: лингвистическая поэтика, современная поэзия, история русского языка.

Келли, Камриона (Оxford): Prof., Oxford University, New College, Fellow of the British Academy (Великобритания). Основные научные интересы: история русской культу-ры (история детства, культурная память в советской и постсоветской России, исто-рия Ленинграда-Петербурга), русская литература 20–21 вв.

Куршбюли, Генрих (Берлин): Dr. phil., wissenschaftlicher Mitarbeiter in der Slavistik, Humboldt-Universität Berlin (Германия); поэт, переводчик. Основные научные интересы: русско-немецкие и русско-польские литературные связи, современная русская, поль-ская и белорусская поэзия, формализм, постсоветская научная культура.

Кэнос, Эдит (Шарлотсвилл): Brown-Folman Professor of Slavic Languages and Literatures, University of Virginia (США). Основные научные интересы: литература второй поло-вины 19–20 вв. (Достоевский, Горький, Пастернак), литература и философия (Ф. Ницше, Вл. Соловьев, В. Розанов, Л. Шестов), постмодернизм.

Кузьмина, Наталья А. (Омск): д. фил. н.; проф. Омского государственного университе-та им. Ф. М. Достоевского, зав. кафедрой стилистики и языка массовых коммуника-ций. Основные научные интересы: философские аспекты языка, лингвистическая по-этика, стилистика, прикладная лингвистика.

Кужулин, Илья В. (Москва): к. фил. н.; доцент Национального исследовательского уни-верситета – Высшей школы экономики (Москва) и МПГУ; филолог, социолог куль-туры, председатель редакционного совета интернет-журнала "TextOnly". Основные научные интересы: социология современной русской литературы, история и социо-логия русской культуры 1950–1970-х гг. (преимущественно неофициальной), исто-рия русской поэзии 1920–1990-х гг.

Линовский, Марк Н. (Бонн): д. фил. н.; professor University of Colorado-Boulder (USA), литературный критик. Основные научные интересы: русский постмодернизм, постсоветская культура, трансгрессивные элементы в советской культуре.

Мауринцо, Массимо (Турин): Ph.D. Università di Torino (Италия). Основные научные ин-тересы: современная поэзия и подпольная литература сталинского времени.

Медерлишвилл, Кетеван (Тейденберг): М. А., Rurrecht-Karls-Universität Heidelberg (Германия), аспирант. Пишет германистскую диссертацию о переводах П. Целана.

Овеский, Михаил П. (Москва): д. фил. н.; проф., зав. кафедрой литературной критики факультета журналистики РГГУ. Основные научные интересы: культура и литерату-ра Древней Руси, советская литература и культура, фольклорные истоки литературы.

Оршицкий, Юрий Б. (Москва): д. фил. н.; проф., главный редактор «Вестника Гумани-тарной науки» (РГГУ), поэт. Основные научные интересы: русская поэзия 18–21 вв., теория стиха.

Ритц, Марион (Трир): М. А.; Universität Trier (Германия), аспирант. Пишет диссертацию о творчестве Т. Кирилова. Основные научные интересы: современная поэзия, лите-ратурная жизнь, постмодернизм.

Саббатини, Марко (Манерамп): Ph.D.; доцент, Università di Macerata (Италия). Осно-вные научные интересы: литературная теория 20 века, русский модернизм, современ-ная русская поэзия, самиздат и подпольная культура.

Сандлер, Стефани (Гарвард): Professor of Slavic Languages and Literatures, Harvard Uni-versity (США). Основные научные интересы: русская и американская поэзия (осо-бенно современности), феминистические и психоаналитические теории, кино, cul-tural studies.

Северская, Ольга И. (Москва): к. фил. н.; старший научный сотрудник Отдела корпу-сной лингвистики и лингвистической поэтики Института русской литературы им. Ви-ноградова РАН. Основные научные интересы: поэтика, история поэтического языка, семиотика, языки искусств.

Сивяк, Моника П. (Москва): к. фил. наук; зав. Мемориальной квартирой Андрея Бело-го (филиал Государственного музея А. С. Пушкина). Основные научные интересы: литература, культура, история общественной мысли первой трети 20 в., А. Белый и Серебряный век.

Степанов, Александр Г. (Тверь): к. фил. наук; доцент кафедры теории литературы Тве-рского государственного университета. Основные научные интересы: теория и исто-рия стиха, русская поэзия 20 в., современная русская поэзия, творчество И. Бродско-го.

Суховей, Дарья А. (Санкт-Петербург): к. фил. н.; старший научный сотрудник Госу-дарственного литературного музея «XX век» (Мемориальная музей-квартира М. М. Зощенко), поэт, литературный критик. Основные научные интересы: литература и культура 20 в., современная поэзия, язык художественной литературы.

Табачникова, Ольга (Бам, Великобритания): к. физ., мат. и фил. н.; поэт, эссеист. Осо-бные научные интересы: русская литература и культура 19–20 вв., русская фило-